

А. С. Кибинь

ЯТВЯГИ В X–XI ВВ.: «БАЛТСКОЕ ПЛЕМЯ» ИЛИ «БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО»?

По праву оказавшееся в центре внимания историков многих стран, исследование Ф. Курты является прекрасным примером сочетания современных подходов с должным вниманием к письменным и археологическим источникам. В первую очередь, «Создание славян» наглядно показывает, как могут возникать новые этнические группы и как их можно изучать. Хотя предмет нашей статьи напрямую не связан с темой этой книги, мы попытаемся показать «создание ятвягов», отчасти вооружившись ее методикой. Как и в случае со славянами¹, это «создание» включало в себя как представление извне (соседями), так и самоидентификацию, а главной его причиной были перемены политического, социального и культурного контекста на определенной территории.

Интересное значение слова *ятвезь* было не так давно записано диалектологами у жителей Волковысского района Гродненской области — на местном говоре оно означает «речной якорь»: «У ятвезі е жалезо, рыбалоў спушчая яго на ніз на ланцугу, і лотка застаўляюцца»². Как получилось, что термин, который в Средневековье был именем этнической группы, стал обозначать лодочное приспособление? Оставляя этот вопрос без ответа, В. Н. Топоров в своем «Прусском языке» призвал учитывать данные волковысского говора при рассмотрении вопроса об истоках термина *ятвяги*³.

С одной стороны, в данной статье предпринята попытка выполнить этот маленький завет знаменитого балтиста, с другой стороны, наша задача шире — обратившись к особенностям употребления термина в письменных памятниках X–XIII вв., мы

¹ *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700. Cambridge; New York, 2001. P. 335

² *Сцяшковаіч Т. П.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972. С. 576.

³ *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь: I – К. М., 1980. С. 19.

попробуем выяснить его происхождение, а затем рассмотрим вопрос о его функционировании для обозначения групповых различий в X–XI веках.

Не удивительно, что представления о ятвях со временем изменялись. Еще в XVI в. в историографии ВКЛ и Польского королевства складывается миф о безудержно воинственных обитателях Подляшья и Понеманья, неустанно боровшихся с князьями Руси и Польши и почти целиком павших в неравной битве с ними («Народ ятвягов был настолько воинственным, что [они] не беспокоились о смерти и убийстве, и потому из-за любви к войне и чрезмерного стремления к битве погибли»⁴). Мифологизированный образ лесных и болотных дикарей, живших грабежами, охотой и рыбной ловлей, влиял на представления ученых вплоть до конца XIX в.⁵, и еще в 1890 г. можно было проследить, что

...проводя большую часть жизни на войне или на охоте, ятвяг, этот вечный бродяга, умирал далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою. Кости его не покоятся на родовом кладбище, под высоким курганом или в тщательно сложенной каменной могиле. Они лежали там, где его застала смерть, и исчезли бесследно⁶.

Историки периода романтизма в XVIII и XIX в. выдвигали различные догадки, от кого происходит «таинственный» народ, о котором осталось столь мало известий, — от «дикой и запальчивой сарматской орды» языгов⁷ или варваров-костобоков, обитавших к северу от границ Римской империи⁸.

На смену подобным поверхностным построениям во второй половине XIX в. появляются первые попытки серьезных исследований, основанных на интерпретации исторических источников, данных языка и материальной культуры⁹. Хотя объем самих этих сведений был и остается по-прежнему относительно невелик, за минувшие более чем сто лет литература по ятвяжской проблеме пополнилась сотнями книг и статей. Невозможно здесь ее охватить полностью, важно отметить следующее: в подавляющем большинстве исследований ятвяги определялись и понимались как *балтское племя* (варианты: *древнепрусское племя*, *литовское племя*) — достаточно монолитная группа, четко ограниченная от соседей, обладавшая общностью происхождения, особым языком, культурой, территорией и самоназванием. Поэтому усилия исследователей на протяжении XX в. были брошены на то, чтобы описать особенные язык, территорию, археологическую культуру и самоназвание — все те признаки, которыми, как предполагалось, ятвяги обладали.

⁴ Strykowski M. Kronika. Królewice, 1582. S. 205.

⁵ Ср.: Костомаров П. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. М., 2001. С. 172; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I. М., 2001. С. 91; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I. История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 56.

⁶ Авенариус П. П. Дрогичин Палбужский и его древности // Материалы по археологии России. 1890. Вып. 4. С. 1–42.

⁷ Naruszewicz A. Historia narodu polskiego, od początku chrześcijaństwa. T. II. Warszawa, 1803. S. 420–423.

⁸ Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. II. Wilno, 1837. S. 167–169.

⁹ Кужинский С. И. Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. III. СПб., 1858. С. 47–111; Sjögren A. Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen: Ein Beitrag zur Geschichte Osteuropas um die Mitte des XIII. Jahrhunderts // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St-Petersbourg. Sixième série: Sciences politiques, histoire et philologie. T. IX. Saint-Petersbourg, 1859. P. 161–356; Вольтер Э. А. О Ятвях // Ежегодник русского антропологического общества при императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1908. С. 1–9.

По поводу языка ятвягов мнения исследователей разделились: одни считали их восточными балтами («литовским племенем») ¹⁰, другие — западными, близкими к пруссам ¹¹, а третьи выделяли отдельную ятвяжскую языковую группу, переходную между литовской и прусской ¹². Именно переходный характер между реконструируемым «прусским» и литовским языками обнаружила лексика приписанного в 1984 г. ятвягам словарика «Pogańskie gwary z Narewu» (если, вслед за З. Зинкявичюсом, верить в его аутентичность ¹³). Кроме этого, в 90-е гг. XX в. потомками ятвягов были признаны носители островного зетельского говора литовского языка, на котором еще недавно разговаривали жители нескольких деревень Дятловского района Гродненской области ¹⁴.

Вопрос о выделении ятвяжской территории оказался еще сложнее, чем о классификации языка. Распространенной в исследованиях последних десятилетий стала точка зрения, согласно которой они обитали в Северо-Восточной Польше к северу от Нарева, в верховьях Бебжи и Черной Ганьчи, в Сувалкии и прилегающих районах Мазурского поозерья. В польской и литовской литературе принято считать, что название (лит. *jotvingiai*, пол. *jaćwiegowie*) охватывало территорию «большого племени», которое делилось, в свою очередь, на четыре части («малых племени»): в северо-западной части — *судовов*, на северо-востоке — *дайनावов*, на юго-западе — *поллексян* или *полешиан* и собственно *ятвягов* — в центре ¹⁵.

Вместе с тем археологический материал с территории, считавшейся основным местом обитания ятвягов, поставил перед исследователями загадку. Находки позволили выделить археологам так называемую «Судовскую культуру», которая с конца I в. до конца VIII в. прошла несколько этапов развития, после чего это пространство погружается в археологический вакуум. Исчезают воинские захоронения, коренным образом перестраивается поселенческая структура (население уходит с открытых участков, прячется в лесах и болотах), и лишь немногочисленные находки керамики позволяют судить о сохранении здесь обитателей ¹⁶. Ни одно городище или могильник, датированные IX – серединой XI в., в Сувалкии не известны. Чем объясняется этот перерыв в несколько столетий? Ряд новых могильников здесь основывается лишь во второй половине XI века ¹⁷. Тогда же, или несколько позднее, начинается жизнь на ряде городищ (самые ранние находки из Еглинца датируются XII в.) ¹⁸.

При этом, не все ученые были склонны ограничивать территорию ятвягов исключительно Северо-Восточной Польшей. Исследования гидронимии и топонимии на территории Верхнего Понеманья (северо-запад современной Белоруссии) показали, что ранее его обитатели были балтоязычными, их окончательная славянизация произошла

¹⁰ Brückner A. Starożytna Litwa: Ludy i Bogy. Warszawa, 1904. S. 27; Вольтер Э. А. Указ. соч. С. 7, 9; Rozwadowski J. O stosunku języków bałtyckich i słowiańskich // Rocznik Slawistyczny. T. V. Kraków, 1912. S. 1–24.

¹¹ Отрембский Я. Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 3–8.

¹² Kamiński A. Jaćwież: Teritorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953. S. 154–166.

¹³ Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарь? // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.

¹⁴ См.: Vidugiris A. Zietelos lietuvių šnekta. Vilnius, 2004. P. 42–45.

¹⁵ Nalepa J. Jaćwiegowie: Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964; Tautavičius A. Jotvingiai, dainaviai, sūdūviai, poleksenai ir... // Lietuvos mokslas. 1994. Nr 2. Kn. 1(2). P. 5.

¹⁶ Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. «Sudovia in qua Sudovitae»: The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2006. Vol. 7. P. 201.

¹⁷ Ibid. P. 201.

¹⁸ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec: Jatving links with North and North-East European culture environment // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2004. Vol. 5. P. 92–108.

значительно позже, чем в других белорусских регионах¹⁹, и последним осколком этого ранее непрерывного балтского ареала был упомянутый зетельский говор²⁰. С ятвягами местное дославянское население отождествил советский археолог В. В. Седов, приписавший им и их славянизированным потомкам особый вид встречающихся в Понеманье археологических памятников — каменные курганы и каменные могилы, датируемые XI–XVI веками²¹. Несмотря на то что часть польских и советских исследователей выступили против того, чтобы отодвигать границу ятвяжского расселения так далеко на восток²², идея о том, что балтское племя ятвягов заселяло территорию будущей Гроленщины, находит сторонников и сегодня²³.

Вне зависимости от того, включается Верхнее Понеманье в состав ятвяжского ареала или нет, считается, что уже в VIII–IX вв. началась его славянизация, первыми свидетельствами которой являются городища Лососна-Велька и Радогоща, керамика которых связывается с культурой Луки-Райковецкой и датируются IX–X вв. Поселения же в Индуре, Волковыске, Кульбачино и Костенево, возникновение которых датируется второй половиной X в., рассматриваются в связи с вхождением региона в зону влияния Руси²⁴.

Пожалуй, единственное, что не вызывает споров в современной историографии, термин *ятвяги* восходит к единому балтскому самоназванию, которое затем было заимствовано в славянский язык. Прежде чем подвергнуть критике это положение, ответим на вопрос: почему же практически во всех исследованиях ятвяги представляются как постоянная во времени этническая единица с обязательным наличием собственных самоназвания, языка и территории?

Здесь следует сказать, что в роли своеобразного шаблона, с помощью которого в XX в. исследовались и описывались «догосударственные» этнические группы, выступала концепция о *племен* как первой стадии этнического развития человеческого общества, согласно которой основанные на родовых связях «племена» относительно статичны, обладают общностью происхождения, собственными самоназванием, единым языком или диалектом, культурой, территорией и подразделяются на малые племена и роды. Но в результате исследований последних десятилетий стало очевидно, что эта стройная схема искажает понимание раннесредневековой истории. Мы исходим в данной статье из следующих положений²⁵:

1. Раннесредневековые этнические группы не были неизменными монолитными объединениями, а, напротив, являлись гетерогенными структурами с меняющимся составом.

¹⁹ *Топоров В. П., Трубачев О. П.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Обзор лингвистической литературы см.: *Мядзведзеў А. М.* Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дачыненні да архэалогіі і мовазнаўства) // *ГАЗ*, 1998. № 13. С. 10–15.

²⁰ *Vidugiris A.* 1) Iš Zietelos ir pietų aukštaičių leksikos sąsajų // *Vakarų baltų kalbos ir kultūros relikvijos*. Klaipėda, 1996. P. 82–89; 2) *Zietelos lietuvių šnektos*. P. 42–45.

²¹ *Седов В. В.* 1) Курганы ятвягов // *СА*, 1964. № 4. С. 36–51; 2) *Ятвяги* // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. М., 1987. С. 411–419.

²² *Kamiński A.* *Jabwież...* S. 37–39; *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 71; *Nalepa J.* *Jaćwiegowie; Ochmański J.* *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemienniej do XVI wieku*. Poznań, 1981.

²³ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 30–42; *Квятковская А. В.* Ятвяжские могильники Белоруси (XI–XIV вв.). Вильнюс, 1998. С. 5; *Краўчэвіч А. К.* Стварэнне Вядлікага княства. Жэнаў, 2000. С. 84; *Vidugiris A.* *Zietelos lietuvių šnektos*. P. 42–45.

²⁴ *Піваварчык С. А.* Да этнічных працэсаў на Паўночным і рапціім сярэднявеччы // *BZII*, 1999. № 11. С. 235–245.

²⁵ См. *Pohl W.* *Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies* // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*. Blackwell Publishers, 1998. P. 13–24; *Curto F.* *The Making of the Slavs...* P. 14–35.

2. Сложно сказать, насколько вообще правильно говорить об *этнических группах*: очерчивание их четких границ становится невозможным, поскольку эти границы существовали, в первую очередь, не в реальном пространстве, а были «воображаемыми». Ключевым понятием исследования становится *этническая идентичность* как выражение принадлежности к особой группе, отличающейся от других.

3. Выражение и проявление этнической идентичности всегда зависело от конкретной ситуации, и она может быть точно обозначена как «ситуационный конструкт». Это означает и то, что в разных обстоятельствах один и тот же человек мог отождествлять себя с различными группами и выступать членом разных групп. В идентификации различных крупных коллективов реальное кровное родство не играло основополагающей роли — важнее было родство *воображаемое*.

4. Основой для самоидентификации была особая картина мира, свойственная каждому человеку, выраженная, в том числе, в разделяемых им мифах и верованиях, в различных смыслах, которыми наделялись люди, элементы материальной культуры и институты, делившиеся на «своих» и «чужих».

5. По мнению историков «венской школы исторической этнографии» Р. Венкуса, Х. Вольфрама и В. Поля, конструирование этнических различий происходило в тесной связи с возникновением претендующих на особое положение социальных групп, институтов, политических структур и их идеологическим оформлением, т. е. обоснованием своего существования и действий. Но в собирании групп играла роль не только эта «политика», но и «традиция», эссенцией которой был миф об общем происхождении, способный сплотить и поставить под одно знамя людей разного происхождения. Носителем традиции был относительно небольшой коллектив, названный Венкусом «ядром традиции» (*traditionskern* — как правило, военная элита), сохранявший ее и передававший другим группам, вовлеченным в процесс «собираения».

6. Справедливо подчеркивается также некоторыми авторами, что в создании группы не менее важны совместное действие и символическое выражение коллективной солидарности в материальной культуре.

7. Необходимо учитывать, что в исторических источниках один и тот же «этноним» может употребляться в различных значениях (политическом, социальном, культурном или языковом), меняющихся со временем и в зависимости от описываемой ситуации. О многих этнических группах нам известно исключительно из посторонних описаний — под примененными в них обозначениями часто скрываются не реальные самоидентификации, а образы ментальной географии, сформированные для отражения сложной и изменчивой реальности, которую необходимо как-то понять и обозначить. В других случаях употребление определенных этнонимов свидетельствует именно о использовании его самой группой, при этом образы, существующие в чужой культуре, могут оказывать взаимное влияние на представления тех коллективов, для описания которых они существуют (яркий пример такого влияния — создание славян в сочинениях византийских авторов, согласно концепции Ф. Курты).

Таким образом, вместо монолитных этнических групп как непрерывных игроков истории, исследование которых становится невозможным, в центре внимания оказываются процессы их «собираения» (возникновения новых политических организмов), «реконструкции» (связанной с передачей коллективной памяти и традиции) и восприятия извне.

Исходя из сказанного, наша первая задача — проследить развитие этнонима *ятвяги*, выяснить направление заимствования и распространения в разных письменных и устных традициях и определить, когда под этим термином может скрываться реальная самоидентификация, а когда — лишь образ ментальной географии.

Обращение к письменным источникам показывает, что принятая в некоторых исследованиях классификационная схема, согласно которой *ятвяги*, *судовы*, *дайновы* и *поллекские* (*поллекские*) были четырьмя частями одного целого «племени», не соответствует действительности: в XIII в. все эти названия функционировали в разных языковых традициях для обозначения одной и той же реальности.

Название *ятвяги* в течение нескольких столетий после первого появления на страницах источников бытует исключительно в летописной традиции Древней Руси. Известий, дошедших с X–XII вв., всего четыре, они разделены значительными промежутками времени и касаются лишь военных акций русских князей: похода 983 г. («Иде Володимерь на ятвяги . и побѣди ятвяги . и взъ землю ихъ»²⁶), затем похода 1038 г. («Ярославъ иде на ятвягы») ²⁷, похода 1112 г. («Ходи Ярославъ сынъ Стополчь . на ятвягы второс . и побѣди га») ²⁸ и похода 1196 г. («Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ . на ятвягы . шгомыщиватьса . бяхоуть бо воевали . волость его И тако Романъ вниде в землю ихъ . шни же не могоучи стати противоу силѣ его . и бѣжаша во свои тверди . а Романъ пожегъ волость ихъ и шгомыщивса возвратиса во своеси») ²⁹.

Как мы видим, из перечисленных сообщений невозможно понять, что это за группа и где она обитает. Но в 1196 г. уже сообщается о ятвяжских «твердях», а также, хотя и косвенно, о походах самих ятвягов на Волынь. С начала следующего столетия сведения о них становятся гораздо более подробными и регулярными³⁰. Из упоминаний XIII в. очевидно, что в это время русские летописцы так называют группы балтоязычного населения (чаще — в палатализованной форме *ятвезе*), обитавшего на территории современной Северо-Восточной Польши, а также в части Юго-Западной Литвы, с которыми вели войны галицко-волыньские и мазовецкие князья. Очевидно, что в указанный период на «ятвяжской» территории происходило выдвижение и соперничество локальных военных лидеров, подобных «вохву» Скомонду³¹, способных повести за собой значительные военные силы и проводить внешнюю политику от имени отдельных групп. Данные летописей и западных источников также показывают, что невозможно говорить об их политическом и этническом единстве, ятвяжских «князей» были десятки, а идентификация ятвягов происходила в рамках небольших территориальных образований (*злещицы*, *покещицы* и *крисменщицы*)³². В битвах с русскими, польскими,

²⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 2000. Стб. 82. В Радзивилловской, Академической «ятвягы». В Ипатьевской: «Иде Володимерь на ятвягы . и взъ землю ихъ» (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 69).

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 153. Иногда на основании сообщения свода 1479 г. («Ходи великий князь Ярослав на Ятвяги и не може ихъ взяти») исследователи считают этот поход псуадачшим (*Дацинто В. Т.* Образование литовского государства. М., 1959. С. 11). Однако скорее следует предполагать здесь плод собственных умозаключений сводчика XV в. — все более ранние известия совпадают по полноте с традиционной редакцией «Повести Временных Лет» и Начальной летописи.

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 289.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 701.

³⁰ Основным источником по истории ятвягов является так называемая Галицко-Волыньская летопись, сохранившаяся в составе Ипатьевской летописи и других списков (ПСРЛ. Т. II. Стб. 715–937).

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 799.

³² Там же. Стб. 810. 833.

литовскими князьями и отрядами немецкого Ордена период ятвяжской независимости заканчивается. После того как пала в 1283 г. последняя ятвяжская твердыня, современники практически забывают о них как о политическом противнике.

К XIII в. термин *ятвяги* проникает и в латинские источники. По-видимому, из рассказа побывавшего на Руси путешественника о нем узнал в Англии Гервазий Тильбурийский, разместивший между Польшей и Ливонией языческий народ *ярменсов* (sed et inter Poloniam et Livoniam sunt pagani, qui Jarmenses dicuntur)³³. С середины XIII в. *Jaczwyagi*, *Yaczwagy* и др. известны по документам канцелярии Конрада Мазовецкого, имевшего постоянные связи с русскими князьями³⁴. Тогда же слово начинает употребляться в папской канцелярии и источниках орденского происхождения³⁵.

Отсутствие в Польше этого названия до середины XIII в. не означает, что ранее здесь не существовало особого термина для обозначения обитателей лесистых и болотистых территорий к северу и северо-востоку от Мазовии. Во-первых, начиная с гибели св. Войцеха Адалберта в 997 г., в латинской книжности широко распространяется название *прусы* (*prusci*, *prutheni*). Во-вторых, когда в конце XII в. Казимир отправляется в поход на союзных дорогичинскому князю язычников, они названы Кадлубком *pollexiani* («...эти полексяне/полешане — народ гетов или пруссов, народ жесточайший, свирепее всех диких зверей, недоступный из-за охраняющих доступ обширных лесов, густых пущ и смоляных болот»³⁶). Этот же термин используется в куявских и орденских источниках по отношению к ятвягам в середине XIII века³⁷. Исходная форма *pollexiani* (лат.) не ясна — ряд исследователей настаивали на славянском его происхождении (согласно С. Зайончковскому и Х. Ловмянскому — от территориального обозначения *Полесье*)³⁸, другие — на балтском (согласно Е. Налепе, слово произведено от названия реки *Лэк*)³⁹, но очевидно, что обозначение употреблялось на территории Польши до того, как было вытеснено названием *ятвяги*.

Особый термин, *судовы* (лат. *sudovitae*, нем. *sudowen*) использовался в орденской традиции. Именно так в большинстве случаев названы те, кто в русских летописях XIII в. именуются ятвягами⁴⁰, хотя орденские документы знают и два предыдущих названия.

Что же касается балтских языков, на которых разговаривало большинство населения, называемого в XIII в. ятвягами, то в них нет никаких свидетельств употребления термина *jatvingiai*, или *jotvingiai*, реконструируемого лингвистами. Те группы и их территория, которые так обозначались по-славянски, в литовских («восточнобалтских») диалектах назывались *дайнавой* (*dainava*). О тождестве этих понятий (а совсем не о том, что Дайнава — часть Ятвигий) говорят как акт Миндовга 1259 г. (*Denowe tota, quiam etiam Jetwesen vocant*)⁴¹, так и современные данные зетельского говора, в

³³ См.: *Kaminski A.* Op. cit. S. 16; *Zajaczkowski S.* O nazwach ludu jadzwingow // *Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu*. Toruń, 1953. T. XVIII. Zesz. 1–4. S. 180.

³⁴ См.: *Kaminski A.* Op. cit. S. 14.

³⁵ См.: *Ibid.* S. 17; *Zajaczkowski S.* Op. cit. S. 179–181.

³⁶ МРН. Т. II. Lwów, 1872. P. 421.

³⁷ *Kaminski A.* Op. cit. S. 19–20; *Zajaczkowski S.* Op. cit. S. 183.

³⁸ *Zajaczkowski S.* Op. cit. S. 184; *Łowmiański H.* Pogranicze Słowiańsko – jaćwieskie // *Acta Baltico – Slavica*. 1966. Vol. III. S. 89–90.

³⁹ *Nalepa J.* Jaćwiegowie... S. 47–49.

⁴⁰ SRP. T. I. Leipzig, 1861. P. 51, 52, 73, 92, 125–131, 137–143, etc.; *Kaminski A.* Op. cit. S. 25–32; *Zajaczkowski S.* Op. cit. S. 179; 188–191.

⁴¹ «Дайнава вся, которую также некоторые называют Ятвезью» (*Preußisches Urkundenbuch* / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg, 1909. Bd. 1. Hf. 2. S. 70. Nr 79).

котором деревня в 5 км от Дятлово/Зетелы, называемая по-славянски *ятвезь*, носит имя *Dainavā*.

В балтском топонимическом материале на территории современной Литвы из всех четырех рассмотренных терминов отражены лишь названия *судовы* и *дайтавы* (существует множество деревень под подобными названиями в Среднем и Верхнем Понеманье⁴²), но не известно ни одного топонима, производного от реконструируемого лингвистами балтского названия *jatvingiai* или *Jatva*. При этом на территории Верхнего Понеманья зафиксированы десятки топонимов типа *Ятвезь*, отражающих славянское название, свидетельствующие, что оно употреблялось в местном славянском диалекте по отношению к балтоязычному населению⁴³.

Итак, снова подчеркнем, что все четыре упомянутых названия имеют свою историю происхождения и особенности употребления (поэтому нельзя назвать их синонимичными), но во всех случаях они отражают взгляд извне с четырех сторон приблизительно на одну и ту же реальность и обозначают обитателей Сувалкии с окрестными территориями. Внутри этого «ятвяжского» пространства подлинную роль в групповой идентификации играли не эти названия, а более малые территориальные обозначения, производные от топонимов (Крисмен, Покима).

Такова была политическая ситуация в XIII в. Но мы не можем автоматически проследить ее на более ранние столетия, поскольку летописные сведения о ятвях X–XI вв. ограничены, а по археологическим данным очевидно, что обстановка в этих землях сильно отличалась от XIII в. Недостаток информации о ятвях в более раннее время может восполнить обращение к этимологии самого рассматриваемого названия.

Несмотря на то что источники не позволяют говорить об употреблении термина *ятвяги* балтами, подавляющее большинство исследователей искали именно балтскую его этимологию — казалось логичным, что группа, разговаривающая в XIII в. на балтских языках, должна иметь и балтское самоназвание. В XIX — первой половине XX в. было выдвинуто множество вариантов его этимологии, но поскольку они либо необоснованны, либо просто фантастичны, мы не будем уделять им внимание⁴⁴. Больше других было распространено мнение Е. Налепы, который в 1964 г. реконструировал ятвяжское племенное самоназвание в виде **Antivīngas* от предполагаемого гидронима **Antia* («ятвяжское» название реки Черной Ганьчи), но и оно не устроило лингвистов — польский исследователь не учел, что во всех, даже наиболее ранних, упоминаниях названия носовой гласный в первом слоге отсутствует⁴⁵. Обоснованной критике подвергся и Е. Охманский, видевший в корне названия **jātvīngas* балтский гидроним **Aitvā*⁴⁶.

Значительную поддержку получила версия, выдвинутая в 1925 г. К. Бугой, реконструировавшим самоназвание **jātvīngas* из ятвяжского **Jātvā* «земля ятвягов», которое,

⁴² См.: Kamiński A. Op. cit. S. 63.

⁴³ Ibid. См. также: Шенкунтис А. П. Балто-северославянские языковые связи. Клев. 1976. С. 105–111; Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 195–213.

⁴⁴ Т. Парбутт производил его от лит. *juoduī vēžiai* «черные раки». П. Оксевич — от лит. *jautis* «вол», Й. Басанавичюс — от лит. *getve* «пастбище», А. Брюкнер — от лит. *ietis* «копы», Е. Кухарекнй — от прусск. *atzva* «кобыла»; и т. д. Критику этих гипотез см.: Ochmański J. Nazwa jaćwiegów // Europa—Słowiańszczyzna—Polska: Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. P. 200–201; Топоров В. И. Прусский язык. С. 19.

⁴⁵ Ochmański J. Op. cit. P. 202; Топоров В. И. Прусский язык. С. 18.

⁴⁶ Топоров В. И. Прусский язык. С. 18.

по мнению исследователя, было связано с предположительно существовавшим одноименным названием реки⁴⁷. Но, несмотря на то что многих исследователей это объяснение устроило, В. Н. Топоров, хоть и принял версию Буги как гипотезу, называл глоссу **jativ-ing-* в прусском «сугубо условной реконструкцией»⁴⁸. Его сомнения были основаны, в первую очередь, на отсутствии топонимических подтверждений бытования этого балтского названия⁴⁹, а также, видимо, и на том, что на всем «ятвяжском» пространстве отсутствует гидроним **Jatva*.

Не менее весомый аргумент против привел В. Мажюлис: суффикс *-ing* не является продуктивным для балтской этнонимии, все известные балтские групповые обозначения (например, *lietuvis*) произведены по иной модели, руководствуясь которой литовский лингвист реконструировал самоназвание ятвягов в форме **jatuvis*⁵⁰. Окончание же славянского *ятвяг* он считал не балтским, а связанным с древнерусскими этносоциальными обозначениями *колбяг*, *варяг* и *буряг*, в которых оно имеет древнесеверное происхождение⁵¹. Поскольку В. Мажюлис поддерживал гипотезу К. Буги о существовании балтского названия **Jat(u)va*, его реконструкция выглядит не менее искусственно⁵², однако замечания по поводу сходства окончания в слове *ятвяг* с другими древнерусскими этносоциальными терминами очень ценны и направляют наш дальнейший поиск.

Древнесеверное происхождение названий *варяг*, *колбяг* и *буряг* можно считать установленным. Широко известное *варяг*, имевшее в древнерусском языке значение «пришлый чужестранец, дружинник», наиболее вероятно, происходит от древнесеверного *varingr* — «член союза, корпорации» (от *var* «верность, порука, обет, клятва»)⁵³.

Термин *колбяги*, известный из Русской Правды, обозначал этносоциальную группу, сложившуюся в Приладожье не ранее второй половины X в. из пришлых скандинавов, местных и пришлых финнов, потомков волховско-сязьской «руси», которые занимались сельским хозяйством, промыслами, сбором дани, торговлей и службой в византийских и русских войсках и с 1020-х по 1070-е гг. входили в сферу влияния ладожского ярлства⁵⁴. В исландских сагах это название известно в форме *Kyulfingr* (этимологически связано с древнесеверным *kylfu* «дубина»), что буквально можно переводить как «дубинщик»⁵⁵. Третье название, *буряги*, в отличие от двух предыдущих, реконструировано на основании топонимов и не отражено в письменных источниках. По-видимому, обозначало оно группы населения, обслуживающего волоки на пути из варяг в греки, или же отдельную торговую корпорацию (этимологически восходит либо к *bār* «волок», либо к *bur* «дом»)⁵⁶.

⁴⁷ Buga K. Lietuvių kalbos žodynas. Z. 2. Kaunas, 1925. P. LXXXVII.

⁴⁸ Топоров В. Н. Прусский язык. С. 15.

⁴⁹ Там же. С. 15–19.

⁵⁰ Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas, I–K. Vilnius, 1993. P. 7–13.

⁵¹ Ibid.

⁵² Кроме уже предъявленных сомнений, удивительно, как корень слова и его суффикс могут быть заимствованы по отдельности из двух разных языковых традиций в третью.

⁵³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 276.

⁵⁴ Мачинский Д. А. Колбяги «Русской правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 52–54; Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). Петрозаводск, 1996; Кулецов В. С., Мачинский Д. А. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 207–227.

⁵⁵ Фасмер М. Р. Указ. соч. Т. II. С. 287.

⁵⁶ Там же. Т. I. С. 250.

Во всех этих случаях славянскому *eg* (-агъ) на конце слова соответствует скандинавский суффикс *ingr*, и, надо полагать, *ятвяги* не являются исключением в этом ряду.

Каково же происхождение корня этого слова? Рассматривая летописные известия о *ятвягах*, мы не упомянули о самом древнем источнике, содержащем этот «этноним». В договоре князя Игоря 944 г. с Византийской империей, текст которого приведен во всех списках ПВЛ, один из нескольких десятков послдов, заключавших мир «от рода Рускаго» с греками, носит имя *Ятвяг Гунарев*⁵⁷. Большинство имен этого договора (в том числе и *Гунар*, которого представлял *Ятвяг*) имеют выраженное древнесеверное происхождение:

Мы от рода рускаго: сыи и госте: Иворь соль Игоревъ: великаго князя Рускаго: и обьчии сли: Вуефастъ Святославль сына Игорева: Искусеви Ольги княгини Слуды Игоревъ: неги Игоревъ: Оулѣб Володиславль Каницарь Передьславинь Шихъбернъ: Сфаньдръ: жены Улѣблѣ: Праськнъ: Турьдуви Либиарь Фастов: Гримъ Сфирьковъ: Праськнъ: Акунъ: неги Игоревъ: Карь: Турьковъ: Каршевъ: Турьдовъ: Егри Евлисковъ: [Воист] Воиковъ: Истри: Аминодовъ: Праськнъ: Берновъ: Ятвягъ Гунаровъ Шибридъ: Алданъ Коль Клековъ: Стегн Етоновъ: Сфирка: Алвадь Гудовъ: Фудри Туадовъ: Мугурь Оугинъ: купецъ Адунъ: Адудьбъ: Игтвладъ: Олѣбъ, Фруганъ: Гомоль: Купи: Емиъ: Турьбидъ: Фурьскнъ: Брунъ: Роалд Гунастръ: Фраскнъ: Игельдъ: Турьбернъ: Моны: Руалд: Свѣнъ: Стирь: Алданъ: Тшлена: Пубьксарь: Вузлѣвъ: Синко: Боричъ: посланни от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжя и от воѣхъ люди Руския земля⁵⁸.

Показательны слова Ф. Б. Успенского:

Очевидно, что носитель имени Ятвяг мог получить такое имя, происходя из племени ятвягов и оказавшись в инокультурной среде, или так могли назвать человека, обладавшего внешним сходством с ятвягами, торговавшего с ятвягами, имевшего с ними любые другие неродовые связи⁵⁹.

В последние более чем сто лет господствует убеждение, что имя *Ятвяга Гунарева* произведено от балтского этнонима, и он считается либо дружинником-ятвягом на службе русского князя, либо даже наместником Киева в Ятвяжской земле⁶⁰. Но, как мы успели заметить, считать сам термин *ятвяги* балтским нет никаких оснований, а окончание его указывает на древнесеверное происхождение. В отличие от позднейших авторов, исследователи XVIII–XIX вв. учитывали общий антропонимический контекст договора и выдвигали скандинавские соответствия имени *Ятвяг*: некоторые таким считали *Астияг* (*Astiäg*)⁶¹, другие — *Пауфтинг*⁶². Эти реконструкции далеки от убедительности, но важно, что уже тогда была замечена тождественность окончаний в словах *ятвяг*, *варяг* и *колбяг*. В связи со сказанным, к вопросу о происхождении этого имени в договоре 944 г. необходимо возвратиться.

⁵⁷ В различных списках имя написано по-разному: *Ятвягъ*, *Ятвьвагъ*, в Лаврентьевском — даже *Ятвьвагъ Гунаровъ* (написание испорчено, как и в статье того же списка 983 г. «Иде Володимерь на *Ятвьвагъ*» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 47. 82)). В Хлебниковском списке *Ятвьвагъ Поунаревъ*, хотя в Ипатьевском — *Ятвьвагъ Гунаревъ* (ПСРЛ. Т. II. Стб. 35).

⁵⁸ Орфография упрощена, разночтения не указываются (ПСРЛ. Т. I. Стб. 46–47; ПСРЛ. Т. II. Стб. 35–36).

⁵⁹ Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 61. Примеч. 30.

⁶⁰ См.: Пауцто В. Т. О возникновении Литовского государства // Известия АН СССР. Серия исторических и филологических наук. 1952. Т. IX. № 1. С. 42.

⁶¹ Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rotsen durch die Finnen und Slawen. St Petersburg. 1844. P. 9–13.

⁶² Дювертуа А. О происхождении Варягов-Руси // ЧОИИДР. 1862. Кн. 4. С. 75–76.

На наш взгляд, наибольшее фонетическое подобие славянской форме *Ятвяг* обнаруживает имя *Jatvígr*, упоминаемое в Саге о Кнютлингах⁶³ и соответствующее англосаксонскому *Eadwíg / Edwy* (*ead* «удачливый», *wig* «война»)⁶⁴.

Не может быть случайным и сходство этого имени с исследуемым этнонимом. Поскольку *-vígr* не объясняет возникновения носового гласного в славянском *-ваг*, вероятно, что славянское *ятвяг* как название группы восходит к древнесеверному *jatvígr*, патронимическому производному от имени *Jatvígr* и означающему либо «потомок Ятвяга», либо «человек Ятвяга».

Вне зависимости от конкретной этимологии термина, для нас в первую очередь важно признание его древнесеверных (или шире, германских) корней. Перед нами встает основной вопрос: что за группа под этим названием фигурирует в источниках X–XI вв., и как имеющее подобную этимологию название стало обозначать людей, говоривших на балтских наречиях?

Ответить на него, как нам представляется, можно, учитывая уникальные данные волковысского говора и археологических раскопок, проведенных белорусскими археологами за 60–90-е гг. XX века. В начале статьи было указано, что в современном волковысском говоре *ятвезь* значит «речной якорь». Зафиксировано слово исключительно на небольшой территории вокруг Волковыска, поэтому нет сомнения, что оно возникло именно здесь в результате переноса названия с группы на один из атрибутов, с ней ассоциируемых. Следовательно, диалектизм является отзвуком ситуации, когда в окрестностях Волковыска по реке Росси и ее притокам ходили лодки, снабженные железными якорями, которые по преданиям назывались местными жителями *ятвяжскими*. Такая ситуация в Верхнем Понеманье могла сложиться лишь однажды.

Во второй половине – конце X в., когда традиционно считавшаяся ятвяжской территорией Сувалкия продолжает пребывать в археологическом вакууме, в Верхнем Понеманье существуют поселения в Лососне-Велькой (гмина Кузница-Бялостоцкая, Польша), Радогоще в 15 км от Новогрудка и основываются новые городища Индура на Свислочи, Кульбачино в Щучинском районе, а также Муравельник в Волковыске⁶⁵.

Культура обитателей Кульбачинского и Волковысского (Муравельник) городищ обнаружила четко выраженное скандинавское влияние. Именно связанные с северной военно-дружинной культурой находки в совокупности с керамикой позволили датировать эти памятники концом X – первой половиной XI века. К предметам, относящимся к указанному времени, принадлежат ланцетовидные наконечники стрел и копий с орнаментированной втулкой с Кульбачинского городища⁶⁶, шпоры, ланцетовидные наконечники копий и стрел, железный ключ и подвески

⁶³ Jomsvikingasaga ok Knytlinga. Kaupmannahofn, 1828. P. 190.

⁶⁴ Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford, 1898. P. 224.

⁶⁵ Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 62–90; Пивоварчык С. А. 1) Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17; 2) Да этнічных працэсаў... С. 237; Малевская М. В. Керамика западнорускіх гарадоў X–XIII вв. СПб., 2005. С. 87–106.

⁶⁶ Пивоварчык С. А. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X–XIII вв.) // ГАЗ. 1994. № 3. С. 190–201.

в стиле Борре с Муравельника⁶⁷, а также случайная находка меч из окрестностей Гродно⁶⁸.

Я. Г. Зверуго, руководитель раскопок в Волковыске, считал его и другие городища опорными пунктами Руси, начавшей в X в. колонизацию региона⁶⁹. Но интерпретации этих поселений как русских противоречит отсутствие преемственности между ними и собственно русскими городами: жизнь в Кульбачино, Индуре, на Муравельнике и Радогоще прекращается около середины XI в., большинство из этих городищ гибнут в огне пожаров. И как раз в середине – второй половине XI в. возникают новые крепости, которые полностью меняют географию политических центров: основывается Городен (Гродно), возводятся укрепления в Новоградке, а затем (во второй половине – конце XI в.) — в Волковыске (на Шведской Горе) и Слониме. В XII в. эти поселения станут городами, которые будут определять политическое и культурное развитие региона. С начала XII в. Городен появляется на страницах летописей как место княжения князя Всеволодка Ярославича.

Волковысское слово *ятвезь* указывает на судоходство как на одно из основных занятий ятвягов. Археологи В. А. Булкин и В. Н. Зоценко высказывали предположение, что Неман служил торговой магистралью на пути из варяг в греки еще до начала развития пути по Волхову и Двине⁷⁰. Хотя более ранних, чем X в., находок из Понеманья, связанных со Скандинавией, не обнаружено, и общее их количество гораздо меньше, чем в бассейне Двины или Волхова, археологические материалы подтверждают вывод, что Неман был одной из магистралей, связывающих Куршское побережье Балтийского моря с Полесьем и более южными территориями.

В конце VIII в. в Полесье возникает открытое поселение в Городнице (12 км от современного Пинска); постепенно разрастаясь, в X в. оно занимает господствующее положение в регионе благодаря развитию торговли и ремесла⁷¹. Кроме различных связей с Прибалтикой, Средней Азией и Средиземноморьем культура Городища имеет и скандинавское влияние (на это указывает находка вилки с загнутыми зубцами, подобной которой входили в VIII–X вв. в шведские банкетные наборы). По мнению археолога О. В. Иова, основной функцией Городища было обслуживание Днепро-Неманского торгового пути. Жизнь на поселении прекратилась в конце X – начале XI века⁷².

⁶⁷ Зверуго Я. Г. 1) Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975. С. 43; 2) К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Крива. Минск, 1983. С. 62; Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 39. Рис. 25.

⁶⁸ Николаев П. В. Меч X века из Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 81–82. К скандинавским находкам ранее причисляли плем из Слонима, но, согласно последним исследованиям, его скорее следует связывать с балтскими дружинными древностями XII–XIII вв.: Плавинский М. Слонимский плем (Датаванне и паходжанне) // Гістарычны Альманах. Т. VIII. Гродна, 2003. С. 137–144.

⁶⁹ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. С. 136. — В отличие от Я. Г. Зверуго, С. В. Беленский и Ю. М. Лесман подчеркивали возможность присутствия в населении городища Муравельник северо-европейского «варяжского» элемента: Беленский С. В., Лесман Ю. М. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. 1979. № 1. С. 312. Я. Г. Зверуго выступил против выделения особого «варяжского» периода в истории Волковыска, хотя и признал наличие в нем выходцев из Скандинавии: Зверуго Я. Г. К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья. С. 62.

⁷⁰ Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь в IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 123.

⁷¹ Іоф А. В., Вярпей В. С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва заходняга Палесся у IX – пач. XI ст. // Гістарычны архэалагічны зборнік Памяці Міхася Ткачова. Минск, 1993. Ч. 1. С. 117–134.

⁷² Там же. С. 126.

Находка же наконечника ножен меча с городища Франополь (Брестский район Брестской области), возникшего во второй половине X в., на котором помещено стилизованное изображение последней битвы Одина и Фенрира, представляющее образец развития скандинавских изобразительных традиций в балтской среде, имеет четкие параллели на Балтийском побережье Самбии⁷³. И снова ситуация повторяется: после сожжения городища Франополь в результате военного нападения на рубеже X–XI вв., в этом регионе появляется форпост русских князей — Берестье, самые ранние слои и укрепления которого относятся к началу XI в.⁷⁴, а первое летописное упоминание — к 1017 году.

Итак, именно население сожженных в конце X и середине XI в. поселений можно, на наш взгляд, отождествить с ятвягами, упомянутыми в сообщениях 983 и 1038 года. Этим именем, как показывают приведенные данные, называлась смешанная по составу поликультурная военно-торговая группировка, возникшая во второй половине X в. в Верхнем Понеманье и Северном Полесье, которая занималась, подобно колбьягам в Приладожье, войной, промыслами и обеспечением речной торговли по Неману, соединявшему самбийский торговый центр Кауп (существовал с начала IX в. до 1016 г.⁷⁵) с днепровским и бужским бассейнами (Киевом и Червеньскими городами).

Без сомнений, *ятвяги* не представляли языкового и культурного единства. В их составе можно предполагать наличие германоязычного компонента (выходцев из Скандинавии и их потомков), балтоязычного (как местных жителей, так и пришлых с Балтийского побережья), а также славяноязычного — керамика многих из упомянутых городищ указывает на связи с более южными территориями, в первую очередь с Волынью⁷⁶. В данном случае мы имеем дело в определенном смысле с социальным термином, обозначавшим род занятий: ятвяжская дружинная культура не многим отличалась от культуры варягов или Руси.

Вместе с тем возникновение отдельного наименования для этой группы свидетельствует о необходимости особой самоидентификации для ее представителей, которая отражала сплоченность коллектива и его противопоставленность другим. По-видимому, «собрание» ятвягов следует относить ко второй половине X в., когда возникли упомянутые ятвяжские городища и открытые поселения. Определенно можно сказать, что этот процесс совершился к началу 980-х гг., когда Владимир предпринял военный поход и «взял землю их». Этот поход был связан с предыдущим занятием Червеньских городов в 981 (979?) г.⁷⁷ и вызван стремлением поставить под контроль весь Бужско-Неманский торговый путь. Сожжение городищ Франополь, Городище и основание Берестья, как кажется, хорошо вписывается в картину русской экспансии конца X в., которая могла и не ограничиваться одним упомянутым походом. Следы разорения этого времени найдены и в Волковыске — вал на городище Муравельник разделен на два уровня следами пожара, уничтожившего укрепления конца X в., тогда же сгорело

⁷³ Кулаков В. И., Иов О. В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 211. 2001. С. 77–84.

⁷⁴ Лысенко П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. Минск, 2001. С. 21, 91.

⁷⁵ Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003. С. 213.

⁷⁶ Малевская М. В. Указ. соч. С. 139–144.

⁷⁷ Общепринятую летописную хронологию поставил недавно под вопрос А. В. Назаренко. По его мнению, датированный 981 г. поход на ляхов и взятие Червеньских городов следует относить к 979 г.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 393–408.

и селище на Шведской горе. Если на Шведской горе жизнь на время замерла (именно здесь в конце XI в. будет возведен русский Волковьск), то городище Муравельник было дополнительно укреплено и продолжало использоваться до середины XI века.

В политике на ятвяжском направлении в конце X – начале XI в. особую роль играл сын Владимира Святополк, княживший, согласно летописи, в Турове (самый ранний слой которого относится к XI в.⁷⁸), обладавший и Берестьем, как следует из первого упоминания города в 1017 году⁷⁹. В результате установления контактов Святополка с польским (гнезненским) князем Болеславом Храбрым в начале 1009 г. с миссией к ятвягам отправился св. Бруно Кверфуртский, путешествие которого закончилось 9 марта его убийством «в пограничье Руси и Литвы»⁸⁰. Как мы попытались показать, именно Святополк был правителем, больше всех заинтересованным в деятельности Бруно на этой территории⁸¹. Вскоре после 1009 г. правитель Турова, женившись на дочери Болеслава, начал проводить враждебную политику по отношению к отцу, в результате чего был подвергнут аресту вместе с женой и прибывшим из Польши епископом Райнберном. Когда же Владимир в 1015 г. умер, началась борьба Святополка в союзе с Болеславом за Киев против брата Ярослава, новгородского князя, закончившаяся в 1019 г. победой последнего. Святополк потерял владения и погиб, однако Берестье осталось под контролем Польши. Видимо, попали в сферу влияния Польши также и ятвяги.

Не исключено, что после смерти Болеслава и дезинтеграции польского политического объединения в 30-х гг., регион вошел в сферу влияния мазовецкого князя Мещлава, союзником которого кроме ятвягов были литовцы⁸². Характерно, что именно на связи с Мазовией указывают находки украшенной штампом керамики X – первой половины XI в. с городищ Индура и Муравельник⁸³. В 1031 г. Ярослав Киевский захватил у Мешка II Червеньские города, в состав которых, возможно, зачислено и Берестье. Ятвяги тогда остались вне сферы влияния русского князя, хотя поход на них, как и полстолетия назад, не заставил себя ждать. Эта экспедиция, как считается, стала прямым следствием заключения в 1038 г. союза Ярослава Мудрого и Казимира Обновителя, женившегося на сестре киевского князя, направленного против союза Мещлава с ятвягами и литовцами. В 1038 г. Ярослав «иде на ятвягы», через два года был совершен поход на Литву, еще через год — в Мазовию (1041). Окончательная победа над Мещлавом была одержана в 1047 г., когда в результате действий русских отрядов он был убит.

Именно с последствиями событий 30–40-х гг. и стоит связывать столь заметные перемены поселенческой структуры Верхнего Понеманья. В это время разрушаются поселения в Индуре, Кульбачино, Муравельнике, Радогоще, и затем во второй половине XI в. в глубине земли ятвягов на Немане возводится Городен, который становится главным русским форпостом в регионе, контролировавшим «янтароносный» Неманский торговый путь⁸⁴.

⁷⁸ См.: *Лысенко П. Ф.* Указ. соч. С. 96; *Белзский С. В., Лесман Ю. М.* Указ. соч. С. 307. Ряд авторов считали местом княжения Святополка не Туров, а Городище, однако эта точка зрения нуждается в более серьезном обосновании: *Климук Ф. Д.* Некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории Надъясельдья и Погорынья // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2004. Vol. XII. Nr 1. P. 22–25.

⁷⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: JL., 1950. С. 15.

⁸⁰ MGH. SS. Lipsiae, 1925. T. 3. P. 80.

⁸¹ *Кібінь А. С.* Апошняя місія св. Бруна // *Белорусский сборник*. Вып. 4. СПб. (в печати).

⁸² *Włodarski B.* Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // *Zapiski historyczne*. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza. T. XXIV: Rok 1958–1959. Zeszyt 2–3. Toruń, 1959. S. 14–18.

⁸³ *Мазевская М. В.* Указ. соч. С. 144.

⁸⁴ См.: *Ворошич Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954. С. 197.

Особо стоит отметить, что традиционно считавшаяся основной ятвяжской территорией Сувалкия до середины XI в. остается в археологическом вакууме, и лишь с этого времени здесь появляются первые могильники. Возможно, это свидетельствует о перемещении сюда ятвяжских групп из Понеманья. Показательно, что даже в более поздний период существуют определенные контакты Сувалкии со Скандинавией — подвески с ятвяжского городища Еглинец, датируемые XII в., обнаруживают сходство с изготовленными на территории Швеции⁸⁵.

Итак, к середине XI в. ятвяги как политически независимая группировка (или несколько группировок), занимавшаяся в Понеманье и Полесье судоходством и промыслами, прекратила свое существование. С середины XI в. этот термин стал экзотонимом, обозначающим балтоязычное языческое население Северо-Восточной Польши, Побужья и Верхнего Понеманья.

Ятвяги не были изначально «балтским племенем». Невозможно раз и навсегда обозначить круг лиц, который включало это название, — его значение менялось не только с течением времени, но и в зависимости от того, кто и где представлял ятвягов. В научных кругах XX в. бытовал образ древнего «балтского племени», в среде интеллектуалов XVI–XIX вв. — образ воинственных «лесных дикарей». Из источников XIII в. возникает актуальный образ ментальной географии, структурировавший сложную политическую ситуацию в балтских обществах бассейна Немана, Бебжи, Нарева, Голдапи и других рек Сувалкии и Мазурского поозерья. Еще один образ, который мы попытались создать в этой статье, можно условно назвать «береговым братством» — ятвяги в X в. были народом-бандой, основным занятием которого были судоходство, промыслы и война в бассейне Верхнего Немана, Побужья и Поприпятья.

Summary

The term *Jatviags* (Lithuanian *jotvingiai*, Polish *jaćwiegowie* or *jadzwingowie*) is considered in the last half-century Polish and Lithuanian historiography to be the name of the *big tribe* that lived in Suwalki region and consisted of four components, the so-called *small tribes*, — *Sudovians* in the northwest, *Dainavians* in the northeast, *Pollexiani* or *Polesianie* in the southwest, and *Jatviags* in the centre. Meanwhile, the archaeological evidence of the region considered to be the *Jatviags'* basic territory points to the lack of any active cultural life in this region in the period from the end of the 8th to the middle of the 11th century. In this connection it should be noted that some researchers believed that the *Jatviags'* territory included not only the territory of present-day northeastern Poland and southwestern Lithuania, but also the region of the Upper Nioman (Nemunas) river basin (the northwestern part of present-day Belarus), where the majority of hydronyms and many toponyms are of Baltic origin.

The analysis of the written sources shows that the scheme, according to which *Jatviags*, *Sudovians*, *Dainavians* and *Pollexiani* (*Polesianie*?) were four parts of a single *tribe*, does not correspond to the facts. Each name has its own origin and tradition of its usage. In the end of the 12th and in the 13th century all these names are used for designating the inhabitants of approximately one and the same territory (Suwalki region and neighboring territories), each of them reflecting the view from the outside (accordingly from Russian, Teutonic, Lithuanian, and Polish side). At this moment these lands came into the period of the rise of local military leaders, who often were the enemies of

⁸⁵ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec... P. 103, 106.

Russian, Mazovian, and Teutonic troops. It should be stressed that in this *Jotvingian* space the above-mentioned names did not play the real part in groups' self-identification. The groups arisen in this region had local territorial designations derivative from place-names (such as *Krismen*, *Pokima*).

What groups were named *ятвязи* (*Jatviags*) in Russian chronicles under the years 983 and 1038? The term *Jatvingiai* (*Jotvingiai*) is considered by many linguists to be originally the Baltic self-name borrowed later to the Slavic language. But such Lithuanian (Baltic) term *jotvingiai* is not mentioned in the sources. The hypothesis suggested by K. Būga, who reconstructed the term in 1925, had no serious arguments: there are no traces of the river **Jat(u)va* from which he produced the term and there is no evidence of using such a term in the Baltic language in toponymy (whereas there exist dozens of toponyms reflecting the Baltic form *Dainava*, and the Slavic form *Jatvež*).

Meanwhile, the ending of Old Russian (Old Slavic) *Jatviag* (*ятвягъ*) resembles other Old Russian ethnosocial terms, *Variag* (Varangian), *Kolbiag*, and *Buriag*, which are Old Norse by origin (*váringr*, *kylfingr* and, probably, *buringr* or *baringr*). In all these cases Slavic *-eg* corresponds to the Scandinavian suffix *-ingr*. The Scandinavian origin of the term *Jatviag* is corroborated by its first mention in the treaty of 944 of Kievan prince Igor with the Byzantine Empire where the name of one of ambassadors of Rus' was *Jatviag Guniarev*. The majority of the names mentioned in the text of the treaty are Scandinavian. In our opinion, the name *Játvígr* mentioned by *Knyllinga saga*, which consists of two Germanic stems (O. N. *Játgeirr*, *Játmundr*, A. S. *Eádwíg*, W. G. *Hedwige*), is the most similar phonetically to the Slavic form *Jatviag*. Slavic *Jatviagi* as the group name goes back to O. N. patronymic derivative *játvingar* meaning «the descendants of Játvígr», or «the people of Játvígr».

In the modern *Vaŭkavysk* idiom of the Belarusian language the word *Jatvež* means «a river anchor». This alludes to river navigation as one of characteristic employments of the Jatviags. From the beginning of the 10th century in the Upper Nioman basin there existed settlements in *Łosośna Wielka* (gmina *Kuźnica-Białostocka*), and *Radagošča* (in 15 km from *Navahrudak*). *Indura* on the river *Svislač*, *Kulbačyna* (in *Ščučyn* district), and *Muravelnik* in *Vaŭkavysk* were founded in the second half of the 10th century. The culture of inhabitants of *Kulbačyna* and *Muravelnik* sites displayed Scandinavian influence. The interpretation of these settlements as Russian is at variance with the absence of continuity between them and true Russian strongholds in this region (*Grodna*, *Šviedskaja hara* in *Vaŭkavysk*, *Slonim*, and *Navahrudak*). The life in *Kulbačyna*, *Indura*, *Muravelnik* and *Radagošča* stopped c. 1050, the majority of these sites were burnt and then *Grodna* and *Navahrudak* were erected. In the same way, finds from the settlements in *Polesye* and *Podlasic* (*Gorodišče* and *Franopol'*) point to communications with the Baltic coast via Nioman. In these settlements the life stopped in the end of the 10th century, when *Bereste* was built.

The population of the settlements burnt in the end of the 10th and the middle of the 11th century can be identified with Jatviags, mentioned in *Povest' vremennykh let* under the years 983 and 1038. This name was a designation of a polycultural military-trading group (or groups) that existed in the 10th and 11th centuries before this territory was conquered by the Rus' princes. After the region had been conquered, in Russian chronicles the term became a designation of basically Baltic-speaking population of the Upper Nioman basin and Suwalki region. The Jatviags were enemies, allies, and subordinates of Rus'. The meaning of this name varied not only eventually, but also depending on *who* represented them. The Jatviags were not the «Baltic tribe». In the 13th century sources the name *Jatviags* was an image of mental geography structuring a difficult political situation in Baltic societies of the basin of the Upper Nioman, *Bebrza*, *Narew*, *Goldap* and other rivers of *Suwalkia* and the Land of *Mazurian lakes*. The Jatviags of the 10th and 11th centuries can be defined as a «coastal brotherhood» because in this period they were a group of river traders and warriors in the basin of the Upper Nioman, *Podlasic*, and *Polesie*.